

Виктория
Невская

Измена Муж напрокат

18+

Виктория Невская

Измена Муж Напрокат

«Автор»

2026

Невская В.

Измена Муж Напрокат / В. Невская — «Автор», 2026

Мне сорок четыре. У меня свой дом, своя строительная фирма и муж на пятнадцать лет моложе — красивый, скандальный и в этом доме никто. Дом мой. Фирма, где он «директор», записана на меня. Даже рубашка, что на нём сейчас куплена с моей карты. Я давно всё поняла и не уйду. Двое старших не его, младший его, и есть у меня тетрадка в клетку: пишу дату, что он сделал детям, чем потом откупился. А потом позвонила опека. И тот, кто написал донос, оказался ближе соседей. И подруга, которая шесть лет поправляет мне воротник за столом, — не совсем подруга. Развод мне обойдётся дороже....ОТ АВТОРА! История частично основана на реальных событиях.

© Невская В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ.	5
ГЛАВА 1.	8
ГЛАВА 2.	14
ГЛАВА 3.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктория Невская

Измена Муж Напрокат

ПРОЛОГ.

Мяса могло не хватить.

Я стояла над противнем и считала шампуров: восемь, двенадцать, шестнадцать, двадцать. Потом пересчитала гостей за столами. Двадцать три человека, и это только те, кто сидит. Я посчитала гостей по шампурам, и шампуров вышло больше, чем друзей.

Большой палец сам собой прошёлся по основанию безымянного. Там давно пусто, а привычка осталась: тру голое место, когда что-то не сходится. Сегодня не сходилось всё, но праздник шёл, и шёл громко.

— Лен! Мясо неси, народ голодный!

Данила стоял у мангала в новой рубашке, и рубашка сидела на нём так, как сидит на молодых всё новое: будто для него шили. Двадцать девять ему сегодня. Я старше на пятнадцать лет, и эти пятнадцать лет накрыли стол на всю улицу.

Последняя суббота мая, двор кипит, колонка орёт на весь посёлок. Я успевала везде: к мангалу, к салатам, к Артуру в коляске, который спал под этот грохот, как под колыбельную. Ребёнок стройки, что с него взять.

— Мам, оливье кончается, — Кира прошла мимо с пустой миской, не глядя на гостей. — И хлеб дорезать?

— Дорежь. И вилки посмотри на дальнем столе.

Она кивнула и ушла в дом. Работала весь день молча, как нанятая. Пятнадцать лет девчонке, могла бы с подружками сидеть, а она таскает миски и считает вилки. Вся в мать, только я за это хотя бы деньги получала.

— Мужики, наливаем, я угощаю! — Данила щёлкнул пальцами, будто официанта подзывал. — Для своих ничего не жалко!

Своих за столом я насчитала троих. Остальные пришли на мясо.

Я вынесла коробку и постучала вилкой по стакану.

— Даня. Подарок.

Он развернул бумагу при всех, медленно, с удовольствием артиста. Зажигалка. Бензиновая, тяжёлая, с крышкой, которая закрывается с этим их фирменным щелчком. Он подбросил её на ладони, поймал, щёлкнул. По лицу расплылось такое довольство, какого я не видела у него ни на одном нашем семейном фото.

— Вот это вещь. Вот это, Лен, я понимаю.

— Дай глянуть! — потянулся сосед через стол.

— Куда. — Данила отвёл руку, не всерьёз, но твёрдо. — Такое в чужие руки не дают. Именная, считай.

Никакая она не именная. Я выбирала её десять минут на маркетплейсе, между набором свёрл и зимними ботинками Тимке. Выбрала её, потому что знала: свёрлам он не обрадуется так, чтобы на всю улицу. А мне сегодня нужно было, чтобы на всю улицу.

— А чего, Лена у нас с понятием, — одобрил кто-то с дальнего конца, и Данила приосанился, будто похвалили его.

Приосанился он мастерски, спорить не буду. Он вообще мастер принимать то, за что заплатили другие: талант отработанный, как у меня счёт.

Весь вечер он крутил её в пальцах. Открыл, закрыл, открыл, закрыл. Он и не курил почти, просто щёлкал — как другие перебирают чётки или ключи от машины, которой пока нет.

Тимка прошёл вдоль забора, взял Найдку за ошейник и увёл за сарай. Никто не заметил, кроме меня. Я заметила и забыла — праздник же.

Кира в это время меняла тарелки у детского конца стола и по дороге, не останавливаясь, развернула коляску с Артуром спинкой к колонке. Тоже никто не заметил. У меня в доме, если присмотреться, половина работы делается вот так, на ходу и без объявлений, и делают её почему-то те, кому по возрасту положено сидеть за столом и есть шашлык.

К седьмому часу дошло до тостов.

Данила встал, поднял стакан и обвёл двор взглядом хозяина цирка.

— За сына моего! За Артура Даниловича!

За столом переглянулись. Кто-то из дальнего конца переспросил:

— За кого, прости?

— За Артура! — он повторил с нажимом, по слогам, как учительница двоечнику. — Ар-ту-ра. Даниловича. Звучит?

— Звучит, — согласился сосед и спрятал усмешку в стакан.

Имя для сына выбирал он. Я предлагала Ваню, Мишу, хоть Петю — он отрезал: чтоб звучало. Вот, звучит. На всю улицу звучит, аж переспрашивают.

Таня сидела рядом со мной, тёплая, своя, в новой кофте. Наклонилась к самому уху:

— Ленусь, как ты всё успеваешь. Я бы уже легла где-нибудь под кустом.

И поправила мне воротник — легко, привычно, двумя пальцами. Она вечно что-то на мне поправляет: то прядь, то нитку, то крошку с рукава. Заботливая. Шесть лет рядом, через три участка живёт, а роднее иных родственников.

— Ты ешь давай, — я подвинула ей салат. — Наготовила на роту.

— Да я на тебя не нарадуюсь. Такой дом подняла, такую семью. — Она обвела двор ложкой, как указкой. — Смотрю и думаю: вот же умеют люди жить.

Кира смотрела на нас через стол. Просто смотрела, не улыбаясь, и жевала хлеб. Пятнадцать лет, а взгляд как у налогового инспектора.

Между горячим и салатами к калитке подошла Клавдия из магазина. Не села, стояла у стола с видом человека, который зашёл на минутку и на всю жизнь.

— С праздником вас. Богато гуляете.

— Спасибо, присаживайтесь.

— Да я на секунду. — Она наклонилась ко мне и понизила голос ровно настолько, чтобы слышали ближайшие трое. — Леночка, вы бы должок закрыли, а? Месяц уже висит, у меня всё записано. Неудобно напоминать, но у меня тоже поставщики.

Неудобно ей. По лицу было видно, как ей неудобно: она этой минуты неделю ждала.

— Конечно. — Я достала телефон, не вставая, набрала перевод и показала ей экран. — Всё, дошло?

— Дошло, дошло. — Она даже расстроилась, что так быстро. — Гуляйте на здоровье.

Данила у мангала ничего не слышал. Он рассказывал мужикам, как выбирал колонку, и колонка в его рассказе стояла уже на пять тысяч дороже, чем в моей рассрочке.

Я пошла в дом за горячим. Духовка, противень, полотенце на руки, блюдо. Окно кухни выходит на мангал, и створка стояла открытой.

— Не, ну а чё, — голос у Данилы после четвёртой делается шире, вальяжнее. — Дом видал? Мой. Фирма — моя, строительная, я директор, считай. Всё, короче, моё, от забора до забора.

Мужики закивали одобрительно, со стаканами наготове.

Кто-то поддакнул: повезло, мол, мужику с бабой. Данила великодушно согласился: повезло. Он вообще щедрый: даже везение у него общее, на всех, кроме той, кому оно принадлежит.

— И баба при мне. Видал, как держу? Возраст не возраст, главное — кто в доме хозяин.

Заржали. Дружно, сыто, как ржут чужие мужики над чужой женой.

Я стояла с блюдом в руках и слушала, как мою жизнь пересказывают в чужом падеже. Дом, который я купила до него. Фирма, где его подпись не стоит ни на одной бумаге. Баба, на паспорт которой оформлена даже рубашка, что так ладно на нём сидит.

Блюдо было горячее и оттягивало руки. Я поставила его на подоконник.

Ни слезы, ни звона посуды. Руки сами взяли счёт: он произнёс слово «моё» четыре раза. Дом, фирма, всё, баба. Четыре позиции, ни одной подтверждённой документально.

Я двадцать лет работала с чужими балансами. Этот я свела за полминуты, стоя у плиты с полотенцем через плечо. Сальдо выходило не в мою пользу, но по другой статье — не по деньгам.

По деньгам как раз всё было моё.

И вот скажите мне, что делает женщина, когда слышит такое из собственного окна? Выходит и устраивает при гостях. Или тихо плачет в полотенце. Я перебрала оба варианта, как перебирают счета к оплате, и отложила оба.

Скандал при двадцати трёх свидетелях стоит дороже, чем стоит Данила. А плакать я разучилась ещё при прошлом муже: там за слёзы тоже ничего не платили.

Из коляски завозился Артур. Я видела через двор, как Кира подошла первой, качнула, поправила пелёнку. Он затих. Дочь подняла голову, нашла меня в окне кухни и посмотрела так, будто это она тут взрослая, а я загулявшаяся.

Мне сорок четыре года. У меня трое детей, фирма, дом и муж в новой рубашке. Всё как хотела. Просто хотеть надо было аккуратнее.

Я взяла блюдо и вышла во двор. Улыбка встала на лицо сама, отработанным движением, как встаёт печать на накладную.

— Горячее! — Я поставила мясо в центр стола, и народ потянулся с вилками, благодарно и хором.

Данила приобнял меня за плечо, царственно, для публики.

— Во, мужики. Жена. Кормилица.

— Тост! — крикнули с края. — Хозяйка пусть скажет!

Я взяла свой стакан с морсом. Двор притих, только колонка бубнила из-под стола.

Двадцать три человека смотрели на меня и ждали. Муж стоял рядом, тёплый от коньяка и всеобщей любви, и крутил в пальцах мою зажигалку.

— За хозяина этого дома, — я подняла стакан выше, — с днём рождения.

Улица выпила стоя. Данила сиял.

Дом, к слову, оформлен на меня. Но тост получился красивый.

ГЛАВА 1.

Я вытащила тетрадь из учебника алгебры и записала: «Десятое июня. Ор на Тимку из-за самоката у крыльца. Обещал шлем и перчатки».

Подумала и добавила в скобках: «Не купит».

Тетрадь у меня простая, в клетку, сорок восемь листов. Живёт между уравнениями и графиками, потому что алгебру в нашем доме не открывает никто, кроме меня. Проверено: два года лежала в учебнике сторублёвка на пробу — не тронул никто.

Правила простые. Дата. Что он сделал. Чем заплатил. Три колонки, как мама учила записывать расходы, только у мамы расходы в деньгах, а у меня в другом.

Вот старые записи, для примера.

«Третье марта. Ор на Тимку из-за ботинок в коридоре, сорок минут. Назавтра кроссовки, всем троим, рассрочка».

«Семнадцатое апреля. Разбил свой телефон об стену, потому что мама спросила про наличку. Через неделю новый телефон. Себе».

«Второе мая. Обозвал Тимку при соседях. Вечером пицца с доставкой и „я же любя“».

Зачем я это пишу, не знаю. Честно, не знаю. Просто у нас в семье всё записывают. Мама расходы. Я вот это.

Утром его не было, и дом дышал.

Это сразу слышно, ещё из-под одеяла: если внизу гремит посуда и Тимка что-то рассказывает, значит, Данила на объекте с ночёвкой. Если посуда гремит, а Тимка молчит — значит, дома.

Сегодня Тимка рассказывал. Про то, что у Фёдора в гараже живёт ёж, что ежа зовут Пыхтя, что Пыхтя ест кошачий корм и что это вообще-то секрет.

— От кого секрет? — мама поставила перед ним кашу.

— От всех. Ну, кроме тебя. И Киры. И Юльки. И тёти Оксаны.

— Надёжно засекречено, — мама даже улыбнулась по-настоящему, не дежурно.

— А ежата будут? — Тимка уже стоял с ложкой наперевес.

— Будут, наверное. Пыхтя разберётся.

— Я первый узнаю. Я в комитете.

В комитете он. Комитет по ежам, два человека и Юлька. Я слушала эту государственную тайну и мазала хлеб маслом медленно-медленно, чтобы завтрак не кончился. В хорошие утра я всегда ем медленно. Про запас.

Мама у плиты слушала комитетский доклад вполуха и один раз, на слове «секрет», посмотрела на Тимку так, что я запомнила этот взгляд отдельно: без проверки, без прицела. Просто мама смотрит, как сын болтает. Такие взгляды я теперь коллекционирую. Тогда — транжирила.

Найда валялась посреди двора кверху пузом, раскинув лапы, как морская звезда. В другие дни она так не лежит. В другие дни она лежит собранно, готовая встать.

За соседским забором завывала болгарка, и Артур в манеже тут же уснул. Другие дети засыпают под колыбельные, наш под инструмент. Что выросло, то выросло.

— Мам, а можно я к Юльке? — Тимка доел и уже стоял одной ногой в коридоре. — У них батут накачали. И ёж.

— Можно. К обеду чтоб дома.

Он унёсся так, что дверь не успела скрипнуть. Летом он живёт на два двора: спит у нас, всё остальное у Фёдора с Оксаной. Там батут, там шумно по-доброму, там орут только одно слово — «обедать».

Мама допила чай стоя, взяла папку с бумагами.

— Кира, я на объект до вечера. Артура покормишь в час, смесь в холодильнике. Если что — звони.

— Знаю.

— Что знаешь?

— Всё знаю. Смесь в холодильнике, разогреть до тёплого, звонить, если что.

Мама посмотрела на меня чуть дольше, чем надо, будто хотела что-то добавить. Не добавила. Поцеловала Артура в макушку и уехала.

«Если что» у нас семейный шифр. Никто никогда не расшифровывает, что именно «что». Все и так в курсе.

Я смотрела на это утро из-за стола и думала, что записала бы и его. Кашу, ежа Пыхтю, Найду звездой, Тимку, который болтает. Но для дней со знаком плюс у меня тетради нет. Не завела как-то.

Он вернулся в четвёртом часу.

Машину бригады слышно от поворота, и дом перестроился за минуту, как по учебной тревоге. Тимка молча встал, взял Найду за ошейник и увёл за сарай. Мама вынесла Артура из большой комнаты в дальнюю, задёрнула там штору. Я убавила музыку на телефоне и села с книжкой на видном месте — это моя позиция, у двери кухни.

Данила вошёл весёлый. Пока ещё весёлый, градус лёгкий, движения широкие, голос громче нужного.

— О, семья! — он бросил сумку у порога. — А чего тихо, как на похоронах? Лен, есть чего пожрать?

— Разогреваю. Садись.

— Мы там такой каркас сегодня подняли, — он развалился на стуле и вытянул ноги через полкухни. — Михалыч говорит: без тебя бы неделю возились. Золотые руки, говорит.

Михалыч так не говорит. Михалыч вообще почти не говорит, я его видела: он молчит даже убедительнее, чем некоторые орут. Но проверять никто не стал. У нас дома его рассказы не проверяют — себе дороже.

— Умница, — мама поставила тарелку. — Хлеб бери.

А потом достала из шкафчика бутылку и налила ему первой. Сама. Он ещё не просил.

Я это вижу каждый раз и каждый раз записываю глазами, потому что в тетрадь такое не запишешь, нет колонки. Мама наливает ему первой, ровно на два пальца, и ставит бутылку так, чтобы дотянулся. Чтобы лёг ровно и не искал. Чтобы вечер прошёл по плану.

У мамы всё по плану. Даже это.

Я однажды спросила её, давно, год назад. Не в лоб, аккуратно: мам, а зачем ты ему наливаешь, он же и сам умеет. Она вытерла руки и ответила спокойно, как объясняют расписание автобусов: «Затем, что так я знаю, сколько». И всё. Вопрос закрыт, тема заархивирована.

Сколько, она знает. А вот вопроса «зачем вообще» у нас в доме не существует. Я проверяла: задашь его, и взрослые смотрят сквозь тебя, как сквозь чистое стекло.

Продержался он до ужина.

За ужином его взгляд упёрся в коридор, где у порога стояли Тимкины ботинки. Один стоял, второй лежал на боку.

— Это что? — вилка ткнула в сторону коридора.

Тимка перестал жевать.

— Ботинки, — я опередила брата.

— Я вижу, что ботинки. Я спрашиваю, почему они валяются. — Голос пошёл вверх, набирая обороты, как та болгарка. — В моём доме будет порядок. Тимофей! Я с кем разговариваю?

Тимка сполз со стула, пошёл в коридор и поставил ботинок ровно. Вернулся. Сел.

— Нет, ты постой. — Данила отодвинул тарелку, а это дурной знак: когда он отодвигает тарелку, значит, ужин переходит в собрание. — Ты почему молчишь? Тебе взрослый человек вопрос задал. В моём доме будет порядок или нет?

— Будет.

— Что «будет»? Громче.

— Порядок будет.

— Во-от. — Он откинулся, довольный, будто провёл переговоры. — А то распустились. Меня в детстве за ботинок в коридоре знаешь как учили? Не знаешь. И не надо тебе знать, я ж не зверь. Я ж для вас пашу как проклятый, между прочим. А меня тут за человека не держат.

Дальше шло минут десять по накатанной: уважение, порядок, «я в ваши годы», «мать вон целыми днями». Мама в это время мыла плиту. Плита была чистая, она мыла её второй раз.

По часам на плите вышло девять минут. Я не для тетради смотрела, само вышло: когда в доме орут, глаза сами ищут, за что зацепиться, и цифры для этого подходят лучше всего. Цифры не орут в ответ и не кивают. Стоят себе и идут.

Тимка кивал. Он давно так делает: кивает вместо слов. Удобно: к кивку не прицепишься. Кивок не «огрызнулся» и не «глянул волчонком». Кивок — это ноль. Мой брат в восемь лет вычислил, что безопаснее всего быть нулём, и мне от этой его математики хочется что-нибудь разбить.

Я не разбиваю. Я записываю.

Я стояла в дверях кухни и смотрела. Просто смотрела. На меня он не орёт. Он вообще при мне сбавляет, и не потому что я что-то делаю, а потому что я смотрю и не боюсь. Проверяла: если выйти из комнаты, громкость растёт. Если вернуться — падает. Как датчик.

Досидел вечер тихо, лёг рано. План сработал, два пальца легли куда надо, дом додышал до полуночи без происшествий.

Я перед сном заглянула к Тимке. Он спал поперёк кровати, свесив руку до пола, и лицо у него во сне было простое, восьмилетнее, без этой его дневной готовности кивать. Я развернула брата вдоль и накрыла одеялом до подбородка. Пусть хоть ночью живёт как человек.

Наутро он был другой. Виноватый период, я его знаю наизусть: короткие фразы, взгляд в пол, суетливая полезность: то кран подтянет, то мусор вынесет без напоминания.

К обеду виноватость дозрела до кошелька.

— Так, — он хлопнул в ладоши, — собирайтесь. Едем в город. За кроссовками! Всем!

— Ура-а! — Тимка подпрыгнул так, что стул уехал.

Ему восемь. Ему вчера орали про ботинки, а сегодня везут за кроссовками, и вчерашнее стёрлось, как с доски. Я на него не злюсь за это. Я злюсь не на него.

— Кира, ты чего сидишь? Соберайся.

— Мне не надо.

— Как не надо? Всем берём, я угощаю.

— У меня есть кроссовки.

Он посмотрел на меня, прищурился и усмехнулся половиной рта:

— Гордая. Вся в мать.

Я не стала выяснять, что он имел в виду. Комплимент это у него или диагноз, пусть сам разбирается, если умеет.

Тимка потом рассказывал, что выбирал кроссовки сорок минут и мерил каждую пару с разбегом по всему залу, и продавщица смеялась. Я бы тоже посмеялась. Если бы не знала прейскуранта.

Вернулись они через три часа, гружёные. Тимке кроссовки с подсветкой, он тут же нарезал в них десять кругов по двору. Маме кроссовки белые, «фирменные», она их убрала в коробку и в шкаф, я знаю этот жест: так убирают вещи, которые не просили.

Себе он взял кепку. Просто так, до кучи, «раз уж заехали».

— А Кирке ничего, — доложил Тимка с разбегу, без злорадства, чисто как сводку. — Она гордая.

— Я в курсе, — я завязала ему шнурок, потому что сам он в новых кроссовках завязывать отказался: жалко.

Вечером я записала в тетрадь: «Одиннадцатое июня. Ор про ботинки. Кроссовки Тимке и маме, кепка себе». В колонке напротив себя поставила: «гордая». Пусть будет по прейскуранту. У каждого своя цена, моя хотя бы не в рассрочку.

Если кто не понял, объясняю, как устроен наш семейный магазин.

Работает он давно, года три точно, и работает без сбоев. Сначала он орёт: на Тимку, на вещи, на весь свет. Потом ему стыдно, но слово «прости» в его словаре не завезли. Вместо «прости» у него кошелек. Кроссовки, планшет, пицца, «поехали, куплю». Все берут, все улыбаются, вчерашнее считается погашенным.

Кассир в этом магазине мама. Она принимает оплату молчанием: взял кроссовки, значит, молчи про ор. Она сама так платит и нас научила, только со мной обучение не пошло. Я в этом магазине не покупаю и не продаю. Я веду учёт.

Тимка вечером зашёл ко мне мириться. Он всегда чувствует, когда между нами что-то повисло, у него на это нюх, безошибочный, звериный.

— Смотри, они светятся, — он потопал в темноте, и кроссовки замигали красным. — Хочешь, дам поносить?

— У меня нога больше.

— А. Ну да. — Он потоптался ещё, свет побегал по стенам. — Кира. А он правда велик купит?

— Правда, — я подвинулась, освобождая край кровати. — Не он, так купится как-нибудь. Садись, посвети мне тут, лампа тусклая.

Он просидел у меня до маминого «спать!», светил кроссовками и рассказывал про ежа. Я делала вид, что мне очень надо это освещение. Брату восемь. Пусть хоть у меня в комнате его подсветка работает по назначению — для радости, а не для оплаты счетов.

Вечером был ритуал.

Про комод надо объяснить. Он старый, ещё от прежних хозяев дома, дубовый, с медными ручками, и весит, как я с Тимкой вместе. Днём он стоит у стены, как приличная мебель. Ночью он стоит у двери моей комнаты.

Двигать его я научилась бесшумно. Почти. Приподнимаешь левый край, доворачиваешь на себя, потом правый, потом ещё раз левый, и он идёт короткими шагами, вперевалку, как толстый человек в очереди. Ножки всё равно едут по половице, и на половице протёрлись четыре светлые дорожки, до самого дерева. Как лыжня. По этой лыжне можно посчитать, сколько ночей я его двигаю, но я не считаю. Есть числа, которые лучше не знать точно.

Началось это давно, после первого «поговорим по-мужски» за закрытой дверью детской. Тогда за той дверью был Тимка, а я стояла в коридоре и держалась за ручку своей. И подумала: моя дверь без замка. И его дверь без замка. Все двери в этом доме без замков, потому что «в моём доме секретов не будет».

Замок я попросить не могла, был бы разговор. Комод разговора не требует. Комод просто тяжёлый.

Пока я двигала, внизу мама загремела посудой громче всегдашнего. Она всегда так делает в это время. Гремит, чтобы не слышать, как я двигаю. Я двигаю, чтобы не думать, зачем двигаю. У нас у всех свои ритуалы, и все делают вид, что это просто уборка.

Замок я просить не стала ещё тогда, два года назад. Попросишь, и будет разговор, а разговоры у нас заканчиваются одинаково: «в моём доме секретов не будет». Он тогда снял защёлку с двери ванной, при всех, с шуточками, и повесил её на гвоздь в сарае, как трофей. Защёлка

до сих пор там висит. А комод вот он. Комод с гвоздя не повесишь, комод сам кого хочешь повесит.

Комод встал на место, я села на кровать и проверила расклад на ночь. Дверь закрыта, комод стоит, окно на проветривании, но с фиксатором, Тимка спит через стенку, Артур у мамы. Всё штатно.

Осталось главное.

Телефон — на зарядку. Это не привычка, это служба. Каждый вечер до ста процентов, утром проверка. Не для соцсетей: соцсети у меня скучные, три подписки и Юлька. Сто процентов — это для скорой связи.

С кем связь, я пока не решила. Со скорой, наверное. Или ещё с кем-то, у кого получится быстро. Я даже список прикидывала: скорая, мама, Фёдор. Полицию в список не вписала, сама не знаю почему — рука не вписала, и всё. Список получился короткий, зато настоящий, не как у Данилы список друзей на день рождения.

Заряженный телефон вопросов не задаёт. Он просто лежит и может.

Юлька как-то увидела мой список контактов и удивилась, какой короткий. Я объяснила: у меня не записная книжка, у меня боевой расчёт. Она посмеялась. Пусть. Смешно, наверное, со стороны.

Проверила будильник. Проверила громкость: на максимум, ночной режим долой. Экран показал сто, можно спать.

В четверг приходила тётя Таня.

Она приходит «помочь по хозяйству», хотя хозяйство у нас управляется и без неё. Помогает она так: ходит по дому, как по музею, где всё знакомое, трогает мамины банки на полках, переставляет по-своему, а мама потом молча переставляет обратно.

— Кирюша, а мама где? — она стояла посреди кухни с полотенцем, которое взяла из ящика, не глядя. Не искала — взяла.

— На объекте.

— Ох, работает и работает. Загонит себя. — Она покачала головой с таким сочувствием, что хоть в рамку. — Мужа бы пожалела, детей. Разве это дело — женщина на стройке. Ты бы хоть за ней смотрела, ты же взрослая уже.

Я за всеми смотрю, тётя Таня. Профессионально. За мамой, за Тимкой, за Артуром, за градусом в доме. За вами вот теперь тоже смотрю, раз вы полотенца из наших ящиков не глядя достаёте.

Вслух я выдала «угу» и ушла к себе с учебником. Через стенку было слышно, как она хозяйничает: переставила чайник, открыла холодильник, что-то прокомментировала Артуру голосом для младенцев. Артур на голос для младенцев не ведётся, он уважает болгарку.

Через час она собралась, и Данила подбросил её до остановки, ему было «по пути в магазин». Магазин у нас в трёх минутах, остановка в четырёх. Вернулся он через сорок минут с одним пакетом сушек.

Я это отметила просто так, без умысла. Сорок минут, одни сушки, кассовый чек торчит из пакета. В тетрадь не записала: не та колонка, в моей тетради он платит нам, а не времени. Полежало в голове и ушло, как уходит всё лишнее.

Тогда я ещё не знала, что лишнего не бывает.

В пятницу вечером случился велосипед. Точнее, не случился.

— А ты говорил, купим, — Тимка стоял перед ним с самым честным своим лицом. — Ты в мае говорил. Шлем ещё.

— Чего? — Данила даже не сразу вспомнил. — А. Ну. Куплю. Сказал же — куплю, значит куплю. Ты мне тут не считай, понял? Мал ещё считать.

Тимка кивнул и ушёл. Через забор, к батуту, где Юлька и где тётя Оксана выносит всем компот, не спрашивая, чьи вы и зачем.

А я осталась и досчитала за брата. В мае обещан велосипед со шлемом. В июне «куплю, не считай». Между этими датами он купил себе держатель в машину, новые очки от солнца и что-то ещё, что приехало в постамент в длинной коробке и уехало в багажник, минуя дом.

Мал ещё считать. Это он мне тоже однажды бросил. Зря: я считаю с первого класса, у меня по алгебре пятёрка, и меня в этом доме не переорёшь цифрами. Цифры вообще нельзя переорать, они от крика не меняются. Может, поэтому он их так не любит.

Ночью я села записывать пятницу.

«Велосипед, обещан в мае. Не купил. Сказал „не считай“».

Ручка дошла до конца строки и упёрлась в обложку. Последняя страница. Кончилась тетрадь. Сорок восемь листов ора, обещаний и откупов, самая старая запись — март позапрошлого года, кроссовки, три пары.

Я подержала её в руках. Толстая получилась, распухшая, углы обмялись, обложка потёрлась о страницы алгебры. Два года семейной жизни в клеточку. Если сдать её куда следует — интересно, по какой графе примут? По бухгалтерской или по другой?

Некуда её сдавать. Мама скажет «не выдумывай», а больше у меня инстанций нет.

Страница кончилась, а учёт не кончился. Я открыла ящик стола и достала новую тетрадь, такую же, в клетку, сорок восемь листов. Я их беру по две, когда мама даёт на канцелярию: одну для школы, одну для дома.

В нашей семье все умеют планировать расходы.

ГЛАВА 2.

— Здесь и здесь, — менеджер развернул ко мне планшет и подал стилус. — И внизу галочку, что с условиями ознакомлены.

С условиями я была ознакомлена лучше, чем он сам. Двадцать четыре месяца, переплата размером в ползарплаты его же, менеджера. Я подписала не глядя, то есть глядя, конечно, я всегда гляжу, просто рука уже не спотыкается.

— Оформляем на вас?

— На меня. На кого же ещё.

— Плёнку защитную сразу наклеим? Чехол? У нас акция.

— Наклеивайте. И чехол.

— Себе берёте? — менеджер упаковывал коробку и болтал, ему по скрипту положено.

— А то женщины обычно поменьше берут, а вы флагман.

— Мужу.

— А, подарок! — он расцвёл. — Повезло мужу.

Повезло. Точное слово, юноша, берите премию у своего скрипта.

— Страховочку на экран оформим? — не унимался он. — При падении, при ударе...

— Не надо. У нас дома падает не экран.

Он не понял, и слава богу. Я расписалась ещё в двух местах и забрала коробку.

Телефон был флагман, последняя модель, коробка тяжёлая и приятная, как кирпич добротного дома. Не мне. Даниле.

Он, между прочим, не просил. Вот в чём соль: он ещё не просил, а я уже стояла в салоне связи и расписывалась. Потому что через неделю встреча с серьёзным заказчиком, а у бригадира фирмы телефон с треснутым углом, и трещина эта на переговорах будет кричать громче любых слов. Вывеска должна блеснуть. Я сама так решила, сама поехала, сама подписала.

Старый его телефон, треснутый, между прочим, о стену треснутый, и стена та наша, кухонная. Но это уже детали для внутреннего пользования, в паспорт сделки не вносим.

Запишите это где-нибудь, пригодится для моего некролога: она всё делала сама, включая собственные ошибки.

Дорога из города до Верхних Ключей занимает двадцать пять минут, если без фур. Я езжу её шесть лет и знаю наизусть каждую яму, поэтому голова в дороге свободна. В свободную голову, как в открытую форточку, всегда лезет одно и то же.

Схема у нас простая, я вам её изложу, как излагала бы налоговой.

Фирма моя: ООО «Крепкий дом», учредитель, директор, бухгалтер и снабженец в одном лице, устала перечислять. Данила в штате бригадиром: лицо на переговорах, руки на сварке. Руки, к слову, действительно золотые, тут без иронии — когда трезвый, он варит так, что Михалыч молчит одобрительно, а это высшая категория похвалы в нашей отрасли.

Деньги мои, подписи мои, кредиты тоже мои, у него кредитная история такая, что банки при виде его паспорта делают вид, что у них обед.

И ещё одна статья, которую я не показываю никому. Наливаю ему я. Вечером, дозированно, на два пальца, чтобы был дома и был тихий. Это называется у меня «профилактика». Гладкое слово, правда? В графе расходов оно смотрелось бы честнее как-нибудь иначе, но графу заполняю я, а я себя не подведу.

Почему так вышло, долго рассказывать, но дорога длинная, давайте.

Был у меня муж Вадим. Второй по счёту, солидный, старше меня, из тех мужчин, у которых даже тапочки выглядят как инвестиция. Я прожила с ним четыре года красивой женой. Работать мне было «незачем», думать — «не надо, ты у меня для другого», детей — «пока не

планируем». Я ходила по его дому, как дорогая ваза ходила бы, если б умела: осторожно и по согласованному маршруту.

А потом меня обменяли. Спокойно, без скандала, как меняют машину: пришла модель поновее, двадцать пять лет, пробег минимальный. Мне выдали отступные и тихий развод.

На отступные я купила этот дом и поклялась себе на кухонном столе, за неимением другой конторы: больше никогда не быть активом. Никогда ни у кого на балансе.

Клятву я сдержала. Теперь баланс веду я. Вот и вся психология, дальше можете не копать, там то же самое.

Дом я тогда выбирала два месяца, а взяла этот за один день: вошла, увидела лестницу на второй этаж и услышала, как половицы отзываются шагам. Живой звук. В квартире Вадима полы молчали, там всё молчало, кроме телевизора. Я решила: буду жить там, где дом разговаривает. Знала бы, о чём он потом заговорит.

Данила пришёл в бригаду по объявлению, шесть лет назад, почти сразу как я открылась. Сварщик, детдомовский, без жилья, без своих людей, зато с руками, каких я потом не видела ни у кого. Остался «на время объекта» в летней комнате. Потом на зиму, куда его в зиму. Потом насовсем.

Он был младше на целую школу и армию, смотрел на меня снизу вверх и говорил «Елена Степановна» ещё полгода после того, как перестал ночевать в летней комнате. Мне это нравилось, чего уж теперь. Мне нравилось, что он при мне. Что он мой. Слово-то какое знакомое, да?

Вадим когда-то завёл себе меня. Я завела себе Данилу. Разница в том, что я честнее: я хотя бы веду его по бухгалтерии.

Два года назад, когда я ходила с Артуром, мы расписались. Он хотел свадьбу: ресторан, лимузин, «чтоб все видели». Я посчитала и не разрешила. Он неделю дулся, как подросток, которому не купили приставку. Потом простил. Он вообще отходчивый, когда дело не в его гордости, а в моих деньгах.

Дома меня ждала Таня.

То есть как ждала: сидела у меня на кухне с чаем, который заварила сама, из банки, которую нашла сама, в шкафчике, который открыла не глядя. Таня в моём доме ориентируется, как я в своей смете. Шесть лет дружбы, чему удивляться.

— Ленусь! — она вскочила меня обнимать. — А я зашла, а тебя нет, дай, думаю, дождусь. Садись, я налью, ты же с ног валишься.

Усадила меня за мой стол, налила мне моего чаю. Поправила мне прядь у виска, двумя пальцами, невесомо. У неё руки вечно при деле: то воротник мне поправит, то нитку снимет, то крошку смахнёт. Заботливые руки.

— Ну? Чего смурная? Опять твой?

И я рассказала. Как рассказываю ей всё, шесть лет подряд, потому что кому ещё. Про долг в магазине, который висел месяц и вскрылся при гостях. Про то, что после дня рождения он два дня «отдыхал», а бригада стояла. Про рассрочку, которую я сегодня оформила, и про то, что мне за неё почему-то стыдно, хотя стыдно должно быть не мне.

Таня слушала, как умеет только она: всем корпусом, кивая в нужных местах, подливая чай.

— Ленусь, ну а что ты хотела. Мужик молодой, кровь играет. — Она накрыла мою руку своей, тёплой. — Ты, главное, не пили его. Мужика беречь надо. Где ты другого возьмёшь, с тремя-то, в твои-то годы? Это я так, любя, ты же знаешь.

Знаю. Любя.

Совет лёг куда надо: точно в то место, где у меня живёт страх пустого дома. Таня вообще удивительно точно кладёт слова, как плиточник плитку: без зазоров.

— А деньги когда упадут? — она подлила мне чаю. — Аванс-то.

— К пятнице обещали.

— Ну дай бог. Ты только вот что: с Данилой наличкой рассчитывайся, на материалы там, на разъезды. Налом виднее, налом ты всегда знаешь, сколько дала. Карта — это дырка, по карте они гуляют.

Совет как совет, хозяйственный. Я тогда ещё подумала: надо же, дело говорит. Наличкой и выдавала потом. Весь год.

— А что он «отдыхал»-то? — она подпёрла щёку. — Сильно?

— Два дня. С мужиками где-то, потом отсыпался.

— Ну и слава богу, что не дома буянил. — Она подлила мне чаю. — Ты, главное, никому про это. Люди у нас знаешь какие: сегодня посочувствуют, завтра в чате разберут по косточкам. Фирме твоей это надо? Заказчики нагуглят — и до свидания.

— Да я и не собиралась.

— Вот и умница. Семейное — оно семейное. — Она встала, сполоснула свою чашку и поставила её на полку. На ту самую полку, куда я ставлю чашки. Не на сушилку, не на стол — сразу на место. — Побегу. Ты если что — я рядом, ты знаешь.

Я знаю, Таня. Ты всегда рядом. Шесть лет как приросла.

Она ушла, а я ещё посидела над остывшим чаем. С Таней всегда так: пока сидит, вроде легче, а уйдёт, и почему-то надо пересчитывать. Что пересчитывать, я не знала. Просто руки просили калькулятор.

— Да я и не пилю, — я допила чай. — Некогда пилить. У меня в четверг переговоры, между прочим. Дом под ключ, заказчик серьёзный.

— Да ты что! — она даже привстала со стула. — Богатый?

— Нормальный. Посмотрим.

— Ой, дай бог, дай бог. Вам бы денжат сейчас, с вашими-то кредитами.

Откуда она знает про «ваши-то кредиты» во множественном числе, я тогда не спросила. А чего спрашивать, сама же и рассказывала. Я ей всегда всё сама.

Телефон я вручила вечером, буднично, между супом и вторым:

— Держи. К четвергу освоишь, на переговорах чтоб не тыкал в него, как в банкомат.

Надо было видеть его лицо. Так, наверное, в его детдоме выглядели пацаны, которым на Новый год доставался подарок с конфетами не по списку, а именной. Он вертел коробку, разглядывал плёнку на просвет, включал и выключал экран.

— Лен. Ну ты вообще. Ну ты... — он даже слов не нашёл, полез обниматься через стол, чуть суп не смахнул. — Я отработаю, ты не думай! Я на этом объекте так впашу — закачаешься!

— Впаши, — я подвинула ему хлеб. — Очень на это рассчитываю. В прямом финансовом смысле.

Он не услышал второй части, он уже фотографировал Артура на новую камеру. Кира прошла мимо стола, скользнула взглядом по коробке, по мне, снова по коробке. Ничего не спросила. Дочь у меня вообще никогда ничего не спрашивает про деньги, и от этого её молчания мне почему-то бывает неуютнее, чем от любых вопросов.

Лев Борисович оказался человеком, который говорит тихо.

Это отдельный сорт людей, я их встречала в прошлой жизни, у Вадима такие сидели в переговорных: не повышают голос никогда, и поэтому все склоняются к ним сами. Дешёвый фокус, скажете вы. Дорогой, отвечу я. Очень дорогой фокус, не всем по карману.

— Дом под ключ, — он положил на стол эскиз. — Коробка, крыша, коммуникации, отделка. Срок — к маю. Вопрос первый: потянете?

— Потянем, — Данила подался вперёд, новый телефон лёг на стол экраном вверх, как козырь. — У меня объектов таких — вот столько было. Моя бригада, мои люди, всё под контролем.

Лев Борисович выслушал его не перебивая. Потом повернулся ко мне:

— По фундаменту какое решение предлагаете при таком грунте?

— Свайно-ростверковый, — я развернула к нему свой лист. — Грунт у вас с водой, лента поплывёт. Выйдет дороже на старте, дешевле на жизни. Вот расчёт по двум вариантам, сравните сами.

Он взял лист, надел очки и читал долго, построчно, как читают не смету, а показания.

— Кто считал?

— Я считала.

— А строить кто будет?

— Бригада. Шесть человек, старшему из них я доверяю больше, чем себе. Контроль закупок и график — на мне.

— На ней всё, — влез Данила и приобнял спинку моего стула. — Она у меня голова. А я, соответственно, руки. Семейный подряд, слышали такое?

— Слыхал, — Лев Борисович снял очки и убрал их во внутренний карман. Сделал он это так, что стало ясно: тема семейных подрядов закрыта навсегда.

И следующий вопрос достался мне. И про смету мне. И про графики платежей тоже мне. Данила сидел рядом нарядный, с телефоном, и постепенно затихал, как колонка, у которой садится заряд.

Заказчик всё понял за десять минут. Я это увидела по тому, как он перестал смотреть на Данилу вовсе: не демонстративно, просто исключил из расчётов, как исключают строку с нулевым значением.

— Сроки жёсткие, — он поднялся, надевая пальто. — Штрафные пропишем в договоре сразу, чтобы потом не обижаться друг на друга.

— Пропишем. Я неустойку сама вписываю во все договоры.

— Вот и славно. Не люблю обижаться.

— Хорошо. — Он закрыл папку. — Аванс переводу на счёт фирмы до пятницы. Работаем.

Рукопожатие у него оказалось короткое и сухое. Моё, наверное, тоже: я в тот момент уже считала закупки.

Вечером двор у нас гулял «обмывку контракта».

Не вся улица, по-скромному: четверо мужиков, колонка, новый телефон по кругу: «смотри, какая камера, ты такую камеру видел?». Данила сиял и рассказывал про переговоры. В его версии тихий Лев Борисович жал ему руку двумя руками и чуть ли не звал в компаньоны. Гладкая версия. В моей версии этот человек задал ему один вопрос и больше не разговаривал.

Я мыла посуду и видела в проём двери, как он ставит телефон на стол вертикально, прислонив к банке, чтобы все видели.

— Лен! — крикнул он через двор. — Иди к нам, чего ты там! Мужики, скажите ей!

— Идите, хозяйка! — поддержали мужики хором, сытым, добрым хором людей, которые едят мою колбасу.

— Сейчас, посуду дотру!

Я не пошла. Досуду можно тереть бесконечно, это проверенный приём. Через двор было слышно, как Данила объясняет, что жена у него скромная, работающая, «я её от плиты не могу оторвать». От плиты. Человек, который сегодня подписал контракт на дом, не может оторваться от плиты. Ну пусть будет плита, с плитой даже спокойнее: у плиты хотя бы понятно, кто кого кормит.

А в посёлковом чате — он называется «Верхние Ключи. Официальный», хотя официального в нём одна Нина Петровна, — взшла сама Нина Петровна. Голосовое, три минуты одиннадцать секунд, плеер не даст соврать:

«Здравствуйте все, это Нина Петровна. Ну что я вам скажу, у Гуриных-то опять праздник, контракт взяли, дом кому-то строить будут, вот же люди работают, не то что некоторые, не буду показывать пальцем, но у кого третий год забор лежит, тот меня понял. А Елене-то как

с хозяином повезло, молодой, работающий, вон как гуляют душевно, аж у меня рассада вздрагивает...»

Я слушала это, домывая кастрюлю, и думала, что у Нины Петровны талант: тридцать секунд информации она умеет упаковать в три минуты с моралью. С хозяином повезло. Ну да. Кому-то из нас двоих точно повезло, я потом посчитаю кому.

Ночью он пришёл довольный, тёплый, победительный.

Обнял меня, как расписываются в накладной: получено. Я не отстранилась. У нас с ним и это по графику, и график я тоже знаю наизусть.

Главное слово между нами не прозвучало и в эту ночь. Оно у нас вообще из редких: он говорит «ты у меня самая», я говорю «спи давай». Обоих устраивает, у обоих под этой формулировкой свои примечания мелким шрифтом.

Про любовь в такие ночи я не думаю. Я думаю про то, что завтра пятница и должен прийти аванс. Потом он уснул, закинув на меня руку, тяжёлую, горячую, хозяйскую, и я лежала под этой рукой, как лежит имущество под инвентарной биркой, и смотрела в потолок, пока не пришёл сон.

Перед сном я успела подумать ещё одно, короткое. Вадим меня тоже так обнимал: как принимают работу. Я тогда считала это надёжностью. Дважды наступить на одни грабли называется невезением. А если сама их разложила, прикрутила и покрасила в цвет пола, это уже проект. У меня всё по проекту.

Утром, пока дом спал, я села за стол с ноутбуком и свела график платежей.

Это моё любимое время, шесть утра. Дом молчит, чайник остывает рядом, и цифры стоят смирно, никто из них не орёт, не обещает и не дуется. С цифрами у меня самые здоровые отношения за всю мою биографию, и я не шучу.

Рассрочка за телефон, раз. Кредит на инструмент, два, там осталось восемь месяцев. Долг магазину закрыт, но Клавдия теперь будет здороваться со значением до конца года. Аванс придёт — уйдёт на материалы, зарплату бригаде и на дырку от прошлого месяца, которую проели «отдыхи».

Между кредитными строчками мелькнула Кира. То есть не мелькнула — вошла, налила себе воды, посмотрела на мой экран из вежливого далека.

— Мам. А если он этот объект тоже... ну. Как в марте.

— Не «тоже». Март был форс-мажор.

— Ага, — она допила воду и поставила стакан. — Форс-мажор. Запомню слово.

И ушла. Пятнадцать лет человеку, а разговаривает так, что хочется свериться с документами.

Я потёрла переносицу и вернула руки на клавиатуру. Работать.

Баланс сходиллся впритык. Ничего, я умею жить впритык, у меня это лучше всего получается. Посчитаем так: если без сюрпризов, к маю выходим в плюс, и плюс этот будет первым честным плюсом фирмы за год.

Если без сюрпризов. Смешное условие для дома, где я на всякий случай прячу от самой себя вторую бутылку.

Аванс пришёл в пятницу, в одиннадцать сорок.

Я смотрела на уведомление от банка, и цифра была настоящая, с шестью знаками, адресованная фирме, где директор — я. Не жене хозяина. Не красивой вазе с согласованным маршрутом. Директору.

Первым делом я перевела зарплату бригаде за прошлый месяц, вторым — заказала цемент и арматуру по своему списку, третьим позвонила Михалычу:

— В понедельник заезжаем на объект Льва Борисовича. Материалы пойдут со вторника.

— Понял. — Михалыч отключился, и это была самая длинная наша беседа за квартал.

Данила в это самое время показывал во дворе соседу телефон. Я видела через открытую дверь, как сосед цокает языком, а Данила великодушно разрешает подержать.

Вечером он заглянул в кухню:

— Ну чего, упали деньги?

— Упали. И уже разлетелись: зарплата, материалы.

— Во, — он покивал с важностью человека, который распределял лично. — Работаем, значит.

И пошёл звонить мужикам, рассказывать, что «его фирма» заходит на объект.

А я съездила в магазин, не в наш, в городской, где меня не знают, и купила торт. Один. Маленький, с ягодами, не по акции.

Съела его в одиннадцатом часу на кухне, одна, пока все спали, ложкой прямо из коробки, не переложив даже на тарелку. Генеральный директор имеет право на премию. В ведомости она пройдёт как «прочие расходы», и подпись под ведомостью, как обычно, моя.

ГЛАВА 3.

— Как-как его зовут?

Тётка с творогом переспросила дважды, и оба раза с одинаковым лицом, будто ей продиктовали слово на иностранном.

— Артур, — мама выдала это ровно, как диктуют фамилию по телефону в справочную: по буквам приготовилась, если что.

— Надо же. — Тётка завернула творог и покачала головой. — Городское имя. У нас всё больше Ваньки да Саньки.

У нас на улице, если что, три Саши, два Вани, одна Василиса и один Артур Данилович. Угадайте с одного раза, чей папа выбирал имя «чтоб звучало». Звучит: на рынке переспрашивают, в поликлинике переспрашивают, соседка баба Зоя зовёт его Артуркой-турком, и это пока лучший вариант.

Суббота, рынок, июль. Мы ходим по рядам втроём: мама с коляской, я со списком, Артур с погремушкой, которую он выкидывает за борт каждые тридцать метров. Я подбираю. Работа у меня такая летом: подбирать, что падает.

— Клубнику берём? — мама остановилась у ягодных рядов.

— Тимке взять. Он у Оксаны вчера чужую ел, стеснялся, а ел.

— Значит, берём две.

Вот в такие минуты мы семья как семья. Рынок, клубника, погремушка за бортом. Я эти минуты не записываю, но храню — в голове есть отдельная полка, узкая, зато своя.

На обратном пути, у остановки, нас перехватила баба Зоя с рассадой:

— Лена, Кирка, здравствуйте, мои хорошие! Ой, а Артурка-турок как вырос-то! — она сунулась в коляску. — Агу, Артур Данилыч! Ишь, серьёзный какой, весь в отца, тот тоже вон какой представительный!

Артур одарил её своим годовалым взглядом и выкинул погремушку в третий раз. Я подняла. Насчёт «весь в отца» у меня есть надежда, что баба Зоя ошибается: пока из отцовского у него только громкость. Остальное, будем считать, открытый вопрос.

— Растёт, — мама покатила коляску дальше, вежливо, но без остановки.

— А хозяин-то ваш опять гулял в выходные, слыхала, — не отставала баба Зоя, семена рядом с рассадой. — Широкой души человек!

— Работал он в выходные, — мама даже шаг не сбила.

Работал. Я шла с клубникой и переводила про себя: «гулял» по-соседски и «работал» по-маминому — это один и тот же вечер, просто в разных отчётностях. Я обе веду.

Имя ему выбирал Данила, мама рассказывала: сидел со списком из интернета, вычёркивал «простые». Хотел, чтоб звучало. По-моему, у годовалого человека должны звучать погремушка и ложка об стол, а остальное приложится. Но меня в комиссию по имени не приглашали.

После рынка Тимку было не выковырять от соседей.

У Фёдора с Оксаной во дворе батут, и к этому батуту летом стягивается вся улица младше двенадцати. Юлька, моя одноклассница, сидела на крыльце с телефоном, я подседа рядом. Мы с ней дружим экономно: можем час молчать в четыре руки, листая каждая своё, и это считается «посидели, поболтали».

— Твой опять концерт давал вчера, — Юлька не отрывалась от экрана. — Колонку слышно было до пруда.

— Он не мой.

— Ну, ваш.

— И не наш. Он мамин.

Юлька подняла на меня взгляд, подумала и не стала развивать. За это я её и держу в друзьях: она умеет не развивать. Редчайший навык, взрослые им не владеют поголовно.

— Обедать! — крикнула из окна Оксана.

Это у них единственное, что орут. Проверено годами: «обедать», «ужинать» и «Юля, зонт возьми». Всё остальное говорится ровным голосом, и все всё слышат.

За стол посадили всех, кто оказался во дворе, — считать по головам никто не стал. Тимка ел борщ и рассказывал про ежа Пыхтю уже третью серию. Фёдор чинил у окна табуретку и в нужных местах хмыкал: у него хмыканье вместо целых предложений, экономичный мужчина.

Один раз он всё-таки потратил слова. Тимка потянулся через стол за хлебом, зацепил стакан, компот пошёл по клеёнке. Брат замер. Весь, целиком, как замирают перед грозой; я видела, как у него остановились даже пальцы.

— Тряпка на гвозде, — Фёдор мотнул головой в сторону мойки и вернулся к табуретке.

И всё. Тимка сходил за тряпкой, вытер, ему налили нового компота. Гроза не состоялась, потому что здесь её не выпускают. Брат оттаивал ещё минут пять, а потом досказал про ежа.

— Дядь Фёдор, а у вас свёрла какие? — Тимка, доев, подобрался к табуретке.

— Рабочие.

— А потрогать можно?

— Бери. Потеряешь — найдём.

Вот и вся педагогика: четыре слова, и брат сидит, перебирает свёрла, и никто не умер. Я записала бы этот диалог как образец. Но у меня тетрадь для другого.

— Кира, добавки? — Оксана уже стояла с половником.

— Спасибо, я дома ела.

Я не ела дома. Просто у меня норма: чужого тепла — по чуть-чуть, как лекарства. Переберёшь, и своё потом покажется совсем холодным.

Своё показало себя тем же вечером.

Данила вернулся с объекта не один, с двумя мужиками из бригады: заехали за какой-то оснасткой, застряли во дворе покурить. Тимка как раз выкатил из сарая самокат и поехал по дорожке, старательно, серьёзно, у него новая фишка: проезжать между грядок не задев.

Задел. Ведро с рассадой, пустое, загремело.

— Э! — Данила даже обрадовался поводу, я видела: при зрителях он воспитывает охотнее. — Ты чего творишь? Ну-ка иди сюда. Бегом!

Тимка подошёл. Встал. Руки по швам, взгляд в землю.

— Ты пацан или кто? Чего молчишь? Мужиком расти, чего глаза мокрые на ровном месте. Смотри на меня, когда с тобой разговаривают!

Мужики курили и смотрели в сторону, но не уходили. Данила разгонялся: про ведро, про руки не из того места, про «я в твои годы». Между фразами он щёлкал крышкой своей зажигалки, открыл-закрыл, открыл-закрыл, хотя сигарета уже дымилась. Найда бочком, по стеночке, уткнула за сарай, она это делает раньше всех, у неё стаж.

Я вышла и встала рядом с Тимкой. Молча. Просто встала, плечо к плечу, и принялась разглядывать Данилу с интересом, как экспонат.

Он сбился. Докрутил фразу до конца, махнул рукой:

— А, воспитывай вас тут... Идите оба.

Мы пошли. Тимка держался за мой рукав до самого крыльца. Возле крыльца отпустил и попросил шёпотом:

— Не говори маме, что я ведро.

Восемь лет человеку. Он уже сам сортирует, что маме можно, а что ей будет лишнее. Я тоже сортирую, так что мы поняли друг друга без протокола.

Про его педагогику у меня давно составлена методичка, могу поделиться. Урок первый: воспитывать надо при зрителях, без зрителей не тот эффект. Урок второй: повод не важен,

важно, чтобы виноватый был мельче тебя минимум вдвое. Урок третий: если виноватый молчит, это называется «он всё понял», а если отвечает — «огрызается». Урок четвёртый, главный: на тех, кто может ответить, педагогика не распространяется. Меня он не воспитывает. Маму не воспитывает. Фёдора через забор боже упаси. Только Тимку и вещи.

Это не строгость. Строгость я видела у Фёдора: тряпка на гвозде, и всё. Это что-то другое, и у этого другого пока нет слова в моём словаре. Появится, запишу.

Про конверт надо рассказать по порядку, потому что тут важна хронология.

Утром я видела через дверь кухни, как мама отсчитывает наличные. Она это делает ловко, профессионально: купюры веером, пальцы быстрые, губы шевелятся. Отсчитала, убрала в белый конверт, на конверте написала «материалы» и отдала Даниле:

— Тут на крепёж и на два рулона. Чеки привези.

— Обижаешь, — он сунул конверт во внутренний карман и поцеловал её в макушку, царским жестом, сверху вниз.

Вечером меня послали за хлебом. У магазина стояла компания: Данила, двое наших, один чужой, все с бутылками, и Данила как раз рассчитывался у окошка ларька. Из белого конверта.

— Гуляем, мужики, я сегодня добрый! — он раздавал бутылки, как призы. — Со мной не пропадёшь!

Я стояла с хлебом и считала купюры глазами. Получалось не очень: издали, в сумерках. Но конверт я узнала бы из тысячи, на нём маминым почерком было написано слово, которое отсюда не читалось, и слава богу.

— О, Кирюха! — он меня заметил. — Скажи матери, я задержусь, дела.

— Скажу.

Дела. Я развернулась и пошла домой. Хлеб в руке был тёплый, из вечернего привоза, и я всю дорогу держала его двумя руками, как держат что-нибудь живое.

У самой калитки меня догнал чужой мужик из той компании, вежливый, с бутылкой:

— Девочка, а ты чья будешь?

— Своя, — я не остановилась.

За спиной Данила хохотнул: «Моя это, старшая. Гордая порода». Моя. Он даже людей склоняет, как имущество. Я мамина, если уж по документам. И то с оговорками.

Маме я передала дословно: задержится, дела. Про конверт не передала. Не потому что покрывала — потому что не знала слов, которыми такое передают. «Мам, он пропивает материалы»? Она спросит: ты видела? Я видела конверт и бутылки. Этого мало для взрослых, я уже проверяла: взрослым всегда мало, если они не хотят, чтобы хватило.

В тетрадь вечером легла запись: «Двенадцатое июля. Конверт „материалы“ ушёл на угощение у магазина. Чеков не будет». Прогноз, кстати, сбился, и сбился при мне.

Через день за ужином мама спросила, не поднимая головы от тарелки:

— Чеки где по крепежу?

— Какие чеки? — Данила даже не сбился с ложки. — А. Слушай, там в железках этих не до чеков было, я по-быстрому брал, у знакомого мужика, без кассы дешевле выходит. Крепёж вон, в багажнике, могу показать.

— Покажи.

Он сходил. Принёс два пакетика саморезов — на мой глаз, рублей на шестьсот. Конверт был толще. Сильно толще, я же видела, как мама его собирала.

— А рулоны?

— Рулоны завтра завезут, договорился. Лен, ну чего ты как налоговая, ей-богу. Крепёж подорожал, зараза, всё подорожало, ты в магазины-то выходишь вообще?

Мама забрала пакетики, повертела, положила рядом со своей тарелкой, как вещественное доказательство, и больше ничего не спросила. Доела молча. Я сидела напротив и видела, как она не спрашивает, — это отдельное зрелище, когда мама не спрашивает: у неё в такие

минуты очень прямые плечи и очень ровные движения, вилка идёт по одной траектории, как по чертежу.

Рулоны, к слову, назавтра не завезли. И послезавтра. Их потом докупала мама, я слышала её телефонный разговор с магазином: «Да, ещё два. Да, на тот же адрес. С карты».

Через неделю случился планшет.

Данила привёз его вечером, в фирменном пакете, торжественно, как кубок:

— Тимофей! Иди сюда. Держи. За то, что мужик. Ведро — проехали, самокат освоил, растёшь.

Тимка застыл с пакетом в руках. Потом заглянул внутрь, и лицо у него сделалось такое, что мне захотелось выйти из комнаты.

— Это мне? Насовсем?

— Тебе. Насовсем. Кто у нас батя? — Данила подставил ладонь, и Тимка хлопнул по ней со всей своей восьмилетней силы.

Батя. Я досмотрела эту сцену из коридора до конца и пошла к себе. Догнал меня Тимка уже с включённым планшетом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.